

Выборгское воззвание

К. А. Соловьев

Выборгское ВОЗЗВАНИЕ

Теория и практика
пассивного
сопротивления

УДК 93/94
ББК 63.3(2)52
С60

Рецензенты:

Волобуев Олег Владимирович,
доктор исторических наук, профессор;
Иванов Андрей Александрович,
доктор исторических наук,
профессор Института истории СПбГУ

Соловьев К. А.

С60 Выборгское воззвание: Теория и практика пассивного сопротивления. — М. : Кучково поле Музеон, 2021. — 320 с. : ил.

ISBN 978-5-907174-49-8

В центре внимания автора — Выборгское воззвание (10 июля 1906 г.) депутатов распушенной Первой Думы. В монографии рассматривается история подготовки, составления, подписания текста, а также его практические последствия, но что еще важнее, интеллектуальные и институциональные основания этого документа, в которых отразились правовые концепции своего времени, представления о власти и революции, о конституции и парламенте, наконец, эмоции многочисленных участников этой драмы — и в Думе, и в правительственных кругах. В книге содержится уникальная информация, почерпнутая из материалов российских и зарубежных архивов, позволяющих по-новому взглянуть на историю начала XX в.

УДК 93/94
ББК 63.3(2)52

ISBN 978-5-907174-49-8
Тираж 300 экз.

© Соловьев К. А., текст, 2021
© ООО «Кучково поле Музеон», оригинал-макет, издание, 2021

Оглавление

Предисловие	8
Глава первая. Накануне	24
1. Эпоха Первой Думы	25
Премьер и Дума	29
2. «Тактическая психология» трудовиков	41
Трудовики	42
3. «Тактическая философия» кадетов	50
Поэзия права	62
4. Депутаты в ожидании роспуска	109
Историк в Думе	116
«Власть исполнительная да покорится власти законодательной...»	123
5. «Историческая власть» на перепутье	145
Родичев на трибуне	146
Переговоры	161

Глава вторая. Дума в Выборге 174

1. 9 июля: перед отъездом 175
2. 9 июля: первый день заседания 183
3. Ночью 189
4. 10 июля: второй день заседания 194
Юрист по призванию и по убеждению 206
5. Выборгское воззвание подписано.
Что дальше? 219

Глава третья. Теория 232

1. Выборгское воззвание и партийная тактика 233
2. Правовые основания 236
Бюджетное право 236
Демократия или правовое государство? 237
Из чего состоит правосознание? 240
Политические элиты и общественное мнение 243
Логика конституционного строительства 244

Глава четвертая. После Думы 250

1. Время ожиданий 251
 2. «Выборгская модель» проверяется практикой 258
Пророк правоповедения 264
 3. Кадеты после роспуска: ситуация цугцванга 293
 4. Судьбы депутатов 301
- Заключение 307
- Именной указатель 310
- Использованные фотографии 319

Предисловие

В 72 дня работы Первой Думы уместилось все: надежды, страхи, ощущение скорой победы и предчувствие неизбежной катастрофы. События того времени плотно населены людьми, причем очень яркими: среди них были выдающиеся ораторы и ученые, незаурядные администраторы и опытные законодатели. Были среди них и те, кто элементарно не умел читать и писать. Эту историю творили очень разные люди. Их объединяло одно: они не знали, чем она закончится. Историк же знает. Он знает всю тщетность их усилий, напрасность надежд, неоправданность ожиданий. Современники же видели себя творцами подлинной революции, которая разворачивалась на их глазах, и действовали согласно собственному пониманию политического процесса. Исследователь той неслучившейся революции обычно не замечает. Так часто бывает: современник чувствует то, что историку прочувствовать очень сложно. Зато историк знает то, о чем современник может только догадываться.

Свидетель тех событий оценивал роспуск Думы как событие чрезвычайное, чреватое большими последствиями. 9 июля 1906 г., когда был опубликован Манифест о роспуске Думы, казалось, что разверзлась бездна и прежний порядок будет сметен потоком событий. Исследователь часто склонен игнорировать такого рода оценки: для него 1906 год — совсем не бурный, не 1905-й, и тем более не 1917-й.

По следам недавних событий, в 1906 г., вышла книга «Первая Дума» Т. В. Локотя, бывшего депутата от Трудовой группы и будущего правомонархиста. В 1930 г. в Париже был опубликован труд правого кадета В. А. Маклакова практически с тем же названием. Наименования схожи, но, учитывая жизненный путь авторов, можно было бы предположить, что содержание будет решительно расходиться. Это и так, и не так.

И Локоть, и Маклаков тоскуют по утраченному времени. Оба не были довольны тактической линией, избранной думским большинством. Для Локотя принципиальный недостаток — отсутствие решительной и определенной позиции народного представительства. Естественно, недавний депутат предпочел бы видеть Думу более революционной и непримиримой. Впрочем, даже противоположная линия поведения выглядела, с его точки зрения, более логичной, нежели те колебания и нерешительность, которые характеризовали тактику Думы «народных надежд»¹. Маклаков, напротив, полагал, что представительство было чересчур бескомпромиссным. Хотя бы по этой причине рассчитывать на соглашение с исторической властью (а значит, и на уступки с его стороны) оно не могло². Разные выводы как будто предполагают и разную аргументацию. Однако в данном случае это не так. Выводы разные, а аргументация совпадает.

1. Оба автора полагали, что ошибки Думы — это прежде всего просчеты партии кадетов. Это точка зрения не кажется безосновательной, учитывая расклад сил в Таврическом дворце³.

2. Эти ошибки были предопределены тем, что кадеты заняли несвойственную им позицию, в сущности, противоречившую социальной и политической природе партии⁴.

3. В результате конституционные демократы были вынуждены соотносить свою тактику с линией Трудовой группы, поскольку ее они принимали за «истинно народную» силу. Тут сказывались комплексы, характерные для Партии народной свободы, претендовавшей выражать мнение большинства населения России⁵.

4. После некоторых сомнений Конституционно-демократическая партия предпочла программу тактике, принципы — сиюминутным установкам, что и обусловило гибкую и чересчур колеблющуюся линию поведения кадетов. «Стихийными революционерами» назвал

¹ Локоть Т. В. Первая Дума. М., 1906. С. 142.

² Маклаков В. А. Первая Государственная дума. Париж, 1930. С. 230.

³ Локоть Т. В. Первая Дума. С. 144; Маклаков В. А. Первая Государственная дума. С. 15.

⁴ Локоть Т. В. Первая Дума. С. 117–118; Маклаков В. А. Первая Государственная дума. С. 9.

⁵ Локоть Т. В. Первая Дума. С. 200; Маклаков В. А. Первая Государственная дума. С. 42.

их Локоть. Они вызывали у Локотя снисходительные улыбки, у Маклакова — раздражение.

Различные позиции, противоположные выводы и очень схожая аргументация — вот что объединяет эти книги помимо названия. Впрочем, это кажущееся противоречие.

В повествовании Локотя и Маклакова выделяются два очевидных полюса русской политической жизни — власть и революция. Где плюс, а где минус, авторы решают по-своему. Конституционно-демократическая партия оказывается где-то посередине. Трагедия кадетов именно в том, что они в сложившихся обстоятельствах не могли прикнудить в полной мере ни к одному из полюсов. Локоть объяснял это спецификой политической ситуации и даже не винил в этом членов Партии народной свободы¹. Маклаков, напротив, корил своих однопартийцев: их иллюзии, предрассудки, неумение ориентироваться в меняющейся политической конъюнктуре стали причиной фиаско². В любом случае слабость тактической линии кадетов, с точки зрения обоих авторов, в их «межумочности».

В. А. Маклаков был автором поразительной интеллектуальной свободы³. Однако литературное письмо само по себе неволит мемуариста, подсказывая определенные ходы, решения и даже выводы. На всякий тезис находится антитезис. Третье решение — почти всегда синтез, то есть сложение первого и второго. Создание же чего-то принципиально нового уже есть революция, революция интеллектуальная. Бинарные конструкции очень привлекательны. Есть Аполлон и Дионис, силы Добра и Зла, наконец, силы революции и «историческая власть». Может быть, эти сопоставления и натянутые, но склонность к дуалистичному мышлению, проводящему простые классификации и выстраивающему жесткие схемы, весьма распро-

¹ Локоть Т. В. Первая Дума. С. 117–118.

² Маклаков В. А. Первая Государственная дума. С. 120. Эта оценка уже из эмиграции. В начале XX столетия В. А. Маклаков призывал понять своих однопартийцев. Так, в январе 1909 г. он объяснял собеседникам: «Во время Первой Думы момент был таков, что Дума не могла не быть революционной, и она была революционной. Не было в стране никакой власти — ни физической, ни моральной. И Дума, собравшись, сочла себя конституантой. Вот почему перед собранием этой Думы так были возмущены изданием Основных законов...» (Кизеветтер Е. Я. Дневник // ОР РГБ. Ф. 566. К. 19. Д. 1. Л. 261).

³ См.: Будницкий О. В. Маклаков Василий Алексеевич // Юристы и Революция: Pro et Contra. М., 2017. С. 312–313.

странена¹. В книге Маклакова творят две стихии — всеразрушающая революция, уже победившая к моменту написания работы, и «историческая власть», вроде бы готовая, по мнению автора, к эволюции². В книге Т. В. Локотя «роли» Добра и Зла распределены иначе — народ, настроенный, естественно, революционно, и бюрократия, судорожно цепляющаяся за устраивающий ее порядок вещей³. И этот расклад ничто не портит: нет «третьей силы», готовой серьезно вмешаться в борьбу за власть. Кандидаты на право носить это звание оказываются не вполне состоятельными. А доказательства тому не просто есть, они кричат результатами их работы, точнее, отсутствием оных.

Взгляд с горы всегда чреват тем, что вззирающий может что-нибудь и не заметить. Взгляд с высоты знаний начала XXI в. приводит к издержкам. Обычно читают пьесу под названием «история» с конца и оценивают события с заданных позиций. Их сортируют согласно значимости, а значимость напрямую соотносят с конечным результатом. Так, часто историк не чувствует живую ткань истории, прошлое, которое когда-то было настоящим. История же представляется поступательным движением по однопольной дороге, где все станции уже давно расписаны: ответвлений не было и быть не могло. В центре внимания — победители: они всегда поступают правильно, остальные практически всегда ошибаются.

В советской историографии эти стереотипные ходы мышления усугублены еще установленными нормативами: во-первых, в антиномии «революция — контрреволюция» зафиксировано место и для плюса, и для минуса; во-вторых, все движение истории подчиняется единой цели, и конечная остановка — не злосчастное сегодня, а уже счастливое завтра.

Вероятно, именно по этим причинам и не повезло Выборгскому воззванию: его нельзя назвать в полном смысле слова революционным, требования его не удалось провести в жизнь, на ход развития страны воззвание влияния вроде бы не оказало, да и авторов его можно вполне записать в разряд неудачников. Поэтому и монографий, посвященных этому «малоинтересному» событию, нет. Для большинства исследований, так или иначе касающихся периода

¹ Мифы народов мира: В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 408.

² Маклаков В. А. Первая Государственная дума. С. 222–223.

³ Локоть Т. В. Первая Дума. С. 141.

первой русской революции, воззвание — лишь эпизод, случайный и даже несуразный.

Работы, посвященные же деятельности Первой Думы, стали появляться уже в 1906 г., спустя месяцы после ее роспуска. К 1917 г. исследований о недавних событиях политической истории (в том числе касавшихся в той или иной степени Выборгского воззвания) было довольно много: статьи, книги В. М. Гессена¹, И. И. Петрункевича², П. И. Новгородцева³, Н. А. Бородин⁴, М. М. Винавера⁵, Т. В. Локотя⁶, В. Щегло⁷ и многих других. Это были либо активные участники описываемых ими же событий, либо современники, то есть те же участники — наблюдатели со стороны. В любом случае эти работы представляют большой интерес в качестве источников и незначительный для историографического очерка в силу априорной ангажированности. Вряд ли покажется кому-нибудь странным, что кадет М. М. Винавер защищал тактику кадетов, а трудовик И. И. Субботин оправдывал линию поведения Трудовой группы. Это относится и к тем сочинениям, авторы которых примеряли на себя роль историков (например, труды А. С. Мартынова и В. П. Обнинского).

Социал-демократ Мартынов рисовал «ясную» картину того, что творилось в Первой Думе. Там тон задавали нерешительные и слабо-вольные кадеты и представители темного крестьянства — трудовики. Твердую позицию занимали только члены Социал-демократической группы. Иными словами, роли были распределены согласно изначальным амплуа. Поэтому и не стоит удивляться поведению кадетов уже после роспуска Думы. Под влиянием аффекта, как только они узнали о прекращении деятельности «первого русского парламента», ими

было принято решение о составлении воззвания к народу¹. Но *по пути в Выборг* (sic) кадеты передумали, а было уже поздно². Членам Партии народной свободы *пришлось* подписать Выборгское воззвание³. За минутное увлечение долго раскаивались русские либералы⁴.

Член фракции кадетов в Первой Думе В. П. Обнинский предлагал иную интерпретацию случившегося. Выборгское воззвание имело много слабых сторон: прежде всего, оно не могло быть реализовано в российских условиях. Но в одном была его несомненная сила: оно верно выразило настроение депутатов, их гнев и горечь⁵.

Для кадетов перводумский опыт имел особое значение. Это была история упущенных возможностей и утраченных иллюзий. О нем в партии периодически вспоминали, как, например, в ноябре 1909 г., когда в Центральном комитете чествовали князя Павла Долгорукова. И тогда, спустя три года, мысленно возвращались к событиям весны 1906 г. Князь Д. И. Шаховской полагал тактическую линию партии на тот момент правильной: «Мы всегда были прежде всего монархистами. Никогда не были республиканцами. В Первой Думе мы хотели и должны были найти связь между монархом и народом. Не наша вина, если она не создалась». В. Д. Набоков доказывал, что единственная ошибка кадетов весны 1906 г. — отсутствие ясной позиции в отношении политического террора. Во всем остальном конституционные демократы делали то, что могли. Это был ответ на остроты В. А. Маклакова, который не уставал попрекать однопартийцев за прежнюю революционность⁶.

Объяснить или покаяться — эту дилемму будет решать кадетская историография. Впрочем, «партийность» — свойство не только партийных авторов. Выборгское воззвание в историографии не проблема, а эпизод, столь незаметный, что он вряд ли стоит приложения особых усилий. Именно поэтому штампы и стереотипы приходят в данном случае «на помощь» исследователю. Говорить

¹ Гессен В. М. Тактика партий в Первой Государственной думе // Первая Государственная дума. Вып. 1. СПб., 1907.

² Петрункевич И. И. Политическая роль Первой Государственной думы // Первая Государственная дума. Вып. 1. СПб., 1907.

³ Новгородцев П. И. Законодательная деятельность Государственной думы // Первая Государственная дума. Вып. 2. СПб., 1907.

⁴ Бородин Н. А. Личный состав Государственной думы: Ее организация и статистические сведения о членах // Первая Государственная дума: В 3 вып. Вып. 1. СПб., 1907.

⁵ Винавер М. М. Конфликты в Первой Думе // Первая Государственная дума. Вып. 1. СПб., 1907.

⁶ Локоть Т. В. Политические партии и группы в Государственной думе. М., 1907.

⁷ Щегло В. Работа партий в Первой Думе. СПб., 1907.

¹ Общественное движение в России в начале XX века: В 4 т. Т. 4. Кн. 5. СПб., 1914. С. 53.

² Там же. С. 54.

³ Там же. С. 55.

⁴ Там же. С. 57.

⁵ Обнинский В. П. Новый строй: В 2 ч. Ч. 1. М., 1911. С. 156.

⁶ [Тыркова А. В.] Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. Дневники. Письма / сост., автор введения и коммент. Н. И. Канищева. М., 2012. С. 88–89.

о традиции изучения воззвания не приходится. Привычных клише не так уж и много. Они чаще всего одни и те же — в работах 1920-х, 1930-х, 1950-х, 1960-х и даже 1990-х, 2000-х гг. При этом определенные подвижки в изучении воззвания все же есть. Они объясняются не особым вниманием к документу, выработанному 9–10 июля 1906 г. в Выборге, а общими подходами авторов. Тем не менее традиции, сложившиеся более ста лет назад, дают о себе знать и сейчас.

Они формировались вскоре после роспуска Думы, а потом перекочевали в советскую историографию. Можно спорить, по какой причине С. Г. Томпсинский сравнивал либералов Первой Думы с политиками эпохи Франкфуртского парламента 1848 г.¹ Это сравнение удачное: именно тогда в Пруссии парламентариями было принято воззвание, аналогичное Выборгскому. Как бы то ни было, но факт сопоставления одного манифеста с другим дал основание автору книги процитировать Фр. Энгельса, который называл современных ему либералов «старыми бабами». С. Г. Томпсинский, естественно, именует так кадетов². Конечно, трусливые «старые бабы» не могли найти достойный ответ на разгон Думы. Они не были способны на решительные действия: ими было принято лишь Выборгское воззвание, да и оно испугало представителей Партии народной свободы³. Почему именно такое обращение к избирателям было принято, автор специально не разбирал.

Книга С. Г. Томпсинского была написана в 1924 г. А спустя четверть столетия И. Г. Фурман защитил кандидатскую диссертацию на тему «Первая Государственная дума». Он поставил вопрос о мотивации авторов воззвания. По мысли диссертанта, кадеты пытались избежать революции, поэтому они и вынуждены были пойти на прямое обращение к народу. Фурман повторяет аргументацию самих кадетов в пользу воззвания, высказанную ими во время процесса бывших членов Государственной думы 12–18 декабря 1907 г. И, конечно, настаивает диссертант, кадеты боялись революции и страшились собственного манифеста⁴.

¹ Томпсинский С. Г. Борьба партий и классов в первой Государственной Думе. Ростов н/Д, 1924. С. 75.

² Там же. С. 75.

³ Там же. С. 72.

⁴ Фурман И. Г. Первая Государственная дума. М., 1950. С. 27.

Тема «трусости» русских либералов, не готовых к революции, остается популярной. Вряд ли И. Г. Фурман в 1950 г. мог назвать кадетов храбрцами. Однако и современный историк уверенно пишет о нерешительности Партии народной свободы. Порой в историографии предлагается следующая схема поведения кадетов, которая и привела к Выборгскому воззванию. Трудовая группа уже после роспуска Думы предложила Конституционно-демократической партии обратиться напрямую к народу (то есть инициаторами манифеста выступили трудовики). Кадеты *испугались* столь радикального шага и, дабы предупредить «друзей слева», а также не дать возможности трудовикам действовать самостоятельно, активно участвовали в подготовке текста с призывом к пассивному сопротивлению¹. Иначе говоря, не будь угрозы самостоятельных акций со стороны трудовиков, не было бы и воззвания. Остается только загадкой, какие источники в данном случае использовал исследователь.

Эта точка зрения порой встречается в историографии: первую скрипку в Думе играли трудовики, кадеты же только плелись за ними². Конечно, и Выборгское воззвание в этом случае представляется лишь словесной угрозой, которая никак не могла реализоваться на практике. Возникновение этого документа объясняется тем, что «либералы, потеряв возможность парламентским путем реформировать общество, все же старались не допустить и нового революционного взрыва»³. Отказавшись же от активного сопротивления, кадеты автоматически перестали представлять серьезную политическую величину: у них уже не было возможности оказывать давление на власть⁴. Соответственно, крах Партии народной свободы в 1906 г. — следствие ее нерешительности или, проще, говоря, трусости.

Концепция «трусости» может излагаться по-разному: со ссылками на энгельсовых «старых баб» или с указанием на парламентариев-идеалистов. На самом деле речь идет примерно об одном и том же, лишь с разными акцентами и эмоциональной окраской.

¹ Бацекало В. Д. Первые шаги российского парламентаризма // Социально-политическое развитие России. Ижевск, 1996. С. 49.

² Люсев В. Н. Внепарламентская и парламентская тактика либералов в период деятельности Первой Государственной думы // Страницы истории Волго-Донья: Сборник статей. Вып. 2. Пенза, 1997. С. 82.

³ Там же. С. 89.

⁴ Там же. С. 90.

Согласно декларируемому, а иногда просто подразумеваемому подходу эффективно лишь одно средство борьбы с господствующим режимом — революция¹. Кадеты же предлагали нечто половинчатое, а соответственно, они занимали заведомо слабую позицию. Тактика Партии народной свободы не укладывается в антиномию «революция — контрреволюция», а все посередине не достойно ярких цветов и окрашивается в безнадежно серый.

Постепенно историографическая картина событий 1906 г. усложнялась. Выборгскому воззванию уделялось чуть больше внимания. Исследователи пытались вникнуть в мотивацию депутатов. По мнению С. М. Сидельникова, кадеты 10 июля 1906 г. должны были хоть что-нибудь сказать — и они в итоге «что-то» сказали. Этим «что-то» оказалось Выборгское воззвание². Кадетам следовало перехватить инициативу у Трудовой группы, дабы не допустить дальнейшего революционирования ситуации³. Этой цели, по замыслу кадетов, должно было служить воззвание, равно как и их плану напугать власть Ахеронтом и, используя революционное брожение, пробраться поближе к министерским постам⁴. Выборгское воззвание есть результат двойственной тактики либералов. Это было обусловлено *промежуточным* положением партии кадетов — между революцией и контрреволюцией. Воззвание обозначило предел кадетской революционности⁵. Это «ошибка увлечения», цитировал В. И. Ленина Сидельников⁶.

В работах Е. Д. Черменского, а также впоследствии В. И. Старцева предлагается иная версия событий, разворачивавшихся в Выборге. По мысли исследователей, кадеты переоценивали степень политической и социальной напряженности в обществе. Именно для того,

чтобы дать выход революционной энергии, и было подписано воззвание¹. Кадеты полагались на «высокую температуру» в стране и наивно рассчитывали на то, что их призыв будет услышан². В данном случае меняются акценты в оценке события. Оказывается, что цель «выборжан» вовсе не в том, чтобы поливать воду на еще не разгоревшийся пожар, а предложить свое решение проблемы и свой метод борьбы, считая, что именно он окажется эффективным. Это фактически ставит вопрос об особой модели поведения, предложенной кадетами, хотя слово «модель» и не произносится.

Особняком стоит книга Л. М. Спирина. Автор полагал, что удар, нанесенный правительством по Думе, был столь серьезен, что кадеты невольно сошли с колеи конституционализма и пошли по радикальному пути, противоречившему их обычным тактическим и программным установкам. Конечно, все вернулось на круги своя довольно скоро, да и этот скоротечный радикализм членов Партии народной свободы автор с усмешкой именуется «кадетским бунтом»³.

Примечательно то, что автор подчеркивает относительную радикальность самого документа. Кроме того, на основании монографии Спирина читатель может сделать вывод, что 9–10 июля кадеты занимали весьма жесткую позицию в отношении правительства и подписанное ими воззвание вовсе не бегство от борьбы, а ее «кадетское» понимание. То есть разными дорогами, но к одному верстовому столбу приходили многие советские исследователи. Они настаивали на том, что действия кадетов были обусловлены непривычной ситуацией. Их решения были крайне резкими, по сравнению со всеми предыдущими. Однако все эти действия — результат не особого поворота тактики Партии народной свободы, а казуса, ошибки, минутного помутнения рассудка под влиянием раздражения или же просто растерянности⁴.

¹ См. также: *Васильева Н. И., Гальперин Г. Б., Королев А. И.* Первая русская революция и самодержавие. Л., 1975. С. 139; Исторический опыт трех российских революций: В 3 т. Т. 1. М., 1965. С. 229–230; *Калинычев Ф. И.* Государственная дума в период Первой русской революции. М., 1965. С. 22.

² *Сидельников С. М.* Образование и деятельность первой Государственной думы. М., 1962. С. 365.

³ Там же. С. 366; См. также: *Ерошкин Н. П.* Самодержавие накануне краха. М., 1979. С. 97.

⁴ *Сидельников С. М.* Образование и деятельность первой Государственной думы. С. 374.

⁵ Там же. С. 371.

⁶ Там же. С. 372.

¹ *Черменский Е. Д.* Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970. С. 314; *Старцев В. И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977. С. 109.

² *Черменский Е. Д.* Буржуазия и царизм в первой русской революции. С. 320; *Старцев В. И.* Русская буржуазия и самодержавие... С. 109.

³ *Спирин Л. М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977. С. 136.

⁴ См. также: *Слепков А.* Классовые противоречия Первой Государственной думе. Пг., 1923. С. 105–106; *Стальной В.* Кадеты. Харьков, 1930. С. 29–30.

В работах В. В. Шелохаева факт существования особой модели поведения, предложенной кадетами в Выборге, становится более выпуклым для читателя. Кадеты вышли на берега своего Рубикона и приняли решение, наиболее радикальное из всех возможных для них. Да, основная цель кадетов — избежать революционного взрыва, но спасение — в пассивном сопротивлении, которое есть ничто иное как «организация общественных сил»¹. Соответственно, пассивное сопротивление — форма предполагаемой борьбы, позволявшая избежать эксцессов насилия². Оно оказалось словесной угрозой, но не это входило в планы либералов.

Особого внимания заслуживает монография С. В. Тютюкина «Июльский политический кризис 1906-го года в России». Она целиком и полностью посвящена событиям, предшествовавшим разгону Первой Думы, а также тому, что последовало за этим. Удивительно обширный и разнообразный материал, собранный автором, позволил составить объемную картину политической истории того времени. Разные герои, разные стороны, разные партии, разные сословия — и все живут в одной России в одно и то же время, и все по-разному, по-своему реагируют на случившиеся. Не обходит автор и выборгские сюжеты: он восстанавливает хронологию событий, пытается понять истоки Выборгского воззвания, находит его вероятные прототипы, как в европейской, так и в русской истории³, что также подтверждает мысль о воззвании как о документе, предполагавшем особую модель поведения общества в сложившейся ситуации. Автор настаивает на том, что кадеты достигли максимума своей революционности к июлю 1906 г. и настроены были тогда достаточно радикально⁴. Но в чем же заключается эта радикальная линия? С. В. Тютюкин предлагает сле-

¹ Шелохаев В. В. Кадеты — главная партия буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983. С. 236; Наше отечество: Опыт политической истории. М., 1991. С. 285; Секиринский С. С., Шелохаев В. В. Либерализм в России. М., 1995. С. 246; Шелохаев В. В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996. С. 232; Политические партии России: История и современность. М., 2000. С. 161; Он же. Либерализм в России в начале XX в. М., 2019. С. 96–97; См. также: Кувшинов В. А. Кадеты в России и за рубежом. М., 1997. С. 54.

² Эти идеи получили развитие в дальнейших работах автора (Шелохаев В. В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015. С. 210–212).

³ Тютюкин С. В. Июльский политический кризис в России. М., 1991. С. 65–66.

⁴ Там же. С. 224.

дующее объяснение: кадеты подписали воззвание, во-первых, чтобы «сохранить лицо» перед избирателем, во-вторых, чтобы отмежеваться от революции, дабы сохранить шанс на сделку с властью¹.

Об определенной модели политической борьбы, заложенной в тексте Выборгского воззвания, писал А. Н. Медушевский. По его оценке, разгон Первой Думы спровоцировал конституционный кризис в России. Модель выхода из него была подсказана кадетам их европейскими коллегами, которые оказались в подобной ситуации много лет назад². В качестве основного источника Медушевский использовал письма Ф. Ф. Кокوشкина редактору газеты *Le Temps*. С их помощью автором достаточно подробно восстанавливается ход заседания уже бывших депутатов в Выборге, этапы выработки и утверждения документа³. Подводя итоги, автор процитировал воспоминания жены Кокوشкина, которая считала, что ее муж был изначально убежден в неисполнимости воззвания, однако полагал необходимым принять документ, «чтобы не дать возможности всем возлагать всю вину на депутатов, сказав: они ничего нам не посоветовали, а мы бы за ними пошли. А, во-вторых, Федор Федорович считал это прецедентом для будущего, считая пассивное сопротивление одним из способов конституционной борьбы народа в защиту своих прав»⁴.

Часто случается, что герои повествования поделены на «счастливых» и «несчастливых». Схемы поведения героя-неудачника могут быть следующими: он чего-то не знает и ошибается, или же он все знает и намеренно идет на провал, что случается, конечно, намного реже. В данном случае утверждается именно последняя схема поведения «выборжан».

Но все же зачем писалось и подписывалось воззвание? Не иметь на это ответа значит и не иметь ключа к нему. «Неадекватный» читатель — в рамках подходов школы рецептивной критики (*reader reception school*) — создает текст альтернативный авторскому⁵. Выборгское воззвание без всяких ключей к пониманию — просто призыв

¹ Тютюкин С. В. Июльский политический кризис в России. С. 64.

² Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998. С. 412–413.

³ Там же. С. 416–419.

⁴ Там же. С. 421.

⁵ Eco U. The role of reader. Bloomington, 1979. P. 49–50.

к народу не идти в армию и не платить налоги. Вряд ли это можно назвать моделью поведения общества в ответ на нарушение конституционных прав, равно как нельзя сказать, что весна есть процесс набухания почек на березе.

В чем заключается модель сопротивления власти, предложенная депутатами Думы? Было бы преувеличением сказать, что этот вопрос серьезно волновал зарубежных исследователей. Авторы работ по истории Первой Думы или же партии кадетов этого периода, упоминая о Выборгском воззвании, в двух-трех предложениях высказывались о невозможности его реализации и обреченности на провал предложенных в нем средств борьбы. Причем, этот вывод вытекает из общей характеристики положения кадетов на тот момент. Их же слабость объясняется по-разному. Во-первых, тем, что кадеты лавировали между революцией и действующей властью, что ставило перед ними неразрешимые проблемы и заводило в тупики¹. «Нереволюционный радикализм» (В. Розенберг)², «радикализм бессилия» (Дж. Хоскинг)³ — такая позиция, проявившаяся и в Выборге, в силу внутренней противоречивости не могла принести какой-либо положительный результат и влекла за собой неудачу.

Во-вторых, слабость Конституционно-демократической партии могла объясняться и так: кадеты оказались без широкой социальной поддержки, что, в частности, и выразилось в отсутствии отклика населения на призыв Выборгского воззвания⁴. Эта мысль может иметь своим логическим продолжением такое умозаключение: если у либералов не было широкой поддержки, то они должны были не идти на дальнейшее обострение отношений с властью, а искать компро-

миссы с ней¹. Можно было сделать и другой вывод: кадетам следовало не обольщаться мыслью о всенародной любви, а адекватно воспринимать сложившуюся ситуацию².

Все эти оценки — не результат специального исследования. Они в известной мере случайны и тем более характерны. За ними стоит непроговоренная, но чаще всего подразумеваемая позиция историка, всегда склонного объяснять логичность и закономерность всего произошедшего. При таком подходе и альтернатив случившемуся не бывает. А все же они интересны и не сами по себе. За ними стояла нереализованная проекция будущего, в которую истово верили многие участники политического процесса. Это, в свою очередь, определяло модель их политического поведения.

Историографии, когда она в той или иной степени выходит за рамки стереотипных ходов мышления, удастся поставить вопрос об особой модели политической реакции, предложенной в Выборгском манифесте. В чем же она заключается, требуются специальные пояснения. Современники тех событий не жалели сил, комментируя драматические обстоятельства роспуска Первой Думы. Тексты очень разные. Их своеобразие объясняется не только партийной ангажированностью, но и временем написания. Общественные настроения за 1906 г. не раз менялись. На волне душевного подъема принималось решение, а потом, в дни апатии, ему находилось обоснование.

В любом случае источников по истории Выборгского воззвания много. Наибольший интерес для исследования представляют материалы из фонда Конституционно-демократической партии (Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) Ф. 523) и личного фонда П. Н. Милюкова (ГА РФ. Ф. 579). В фонде партии кадетов сохранился подлинник воззвания с подписями депутатов, в личном фонде Милюкова — анкеты местных партийных комитетов, отзывавшихся о Выборгском воззвании, а также о возможности его реализации. Наконец, Департамент полиции неизменно «поддерживает» исследователей деятельности «неблагонадежных лиц». Среди его материалов — донесения и рапорты жандармских офицеров о поведении депутатов как до роспуска Думы, так и после, а также многочисленные перлюстрированные письма. Немало интересных доку-

¹ *Hare R.* Portraits of Russian personalities. L., 1959. P. 334; *Riha T.* A Russian European. L., 1969. P. 336; *Rosenberg W. G.* Kadets and the politics of ambivalence // *Essays on Russian liberalism.* Columbia, 1972. P. 146; *Healy A. E.* The Russian autocracy in crisis 1905–1907. Hamden, 1976. P. 253.

² *Rosenberg W. G.* Kadets and the politics of ambivalence. P. 147.

³ *Hosking G. A.* The Russian constitution experiment. Cambridge, 1973. P. 21.

⁴ *Treagold D. W.* The constitutional democrats and the Russian liberal tradition // *The American Slavic and East European Review.* 1951. № 2. P. 93; *Tuck R. L.* Paul Miljukov and negotiations for a Duma ministry // *The American Slavonic and East European Review.* 1951. № 2. P. 128; *Seton-Watson H.* The Russian Empire. Oxford, 1967. P. 625; *Manning R. T.* The crisis of the old order in Russia. Princeton, 1982. P. 261; *Figes O.* A people's tragedy. L., 1996. P. 220–221; *Stockdale M. K.* Paul Miljukov and the quest for a liberal Russia. L., 1996. P. 163.

¹ *Walkin J.* The rise of democracy in Pre-revolutionary Russia. N. Y., 1962. P. 225–226.

² *Charques R.* Twilight of Imperial Russia. L., 1965. P. 158.

ментов хранится в Царскосельской коллекции (ГА РФ. Ф. 543), в фонде Группы центра Государственного совета (ГА РФ. Ф. 1178), Особого делопроизводства по выборам в Государственную думу и Государственный совет (РГИА. Ф. 1327), Совета министров (РГИА. Ф. 1276), Кроме того, в работе были использованы материалы из личных фондов А. А. Будберга (ГА РФ. Ф. 859), В. В. Водовозова (ГА РФ. Ф. 539), П. А. Гейдена (ГА РФ. Ф. 887), М. О. Гершензона (ОР РГБ. Ф. 746), А. А. Гирса (ГА РФ. Ф. 892), В. Э. Грабаря (ОР РГБ. Ф. 376), А. И. Гучкова (ГА РФ. Ф. 555), А. П. Извольского (АВП РИ. Ф. 340. Оп. 835), А. А. Киреева (ОР РГБ. Ф. 126) Квашниных-Самариных (ОР РГБ. Ф. 123), Ф. Ф. Кокошкина (ГА РФ. Ф. 1190), А. Ф. Кони (ГА РФ. Ф. 564), А. В. Кривошеина (РГИА. Ф. 1571), Кудрявцевых (ОР РГБ. Ф. 566), Любимовых (РГАЛИ. Ф. 1447), В. А. Маклакова (ОПИ ГИМ. Ф. 31), С. В. Паниной (Bakhmeteff archive (BAR). Panina coll.), И. И. Петрункевича (ГА РФ. Ф. Р-5839), А. А. Половцова (ГА РФ. Ф. 583), Ф. И. Родичева (Bakhmeteff archive (BAR). Rodichev coll.), Самариных (ОР РГБ. Ф. 265), Е. Н. Тимирязевой (ГА РФ. Ф. 593) и др.

Конечно, многие источники давно опубликованы, например: изданные в журнале «Красный архив» стенограммы заседаний депутатов в Выборге, официальные партийные документы, прежде всего Конституционно-демократической партии (материалы съездов и протоколы ЦК партии), стенограммы заседаний Государственной думы первого созыва, работы научного характера (а именно труды М. М. Ковалевского, Ф. Ф. Кокошкина, С. А. Котляревского, Н. И. Лазаревского, П. И. Новгородцева и многих других видных правоведов, материалы, собранные Вольным экономическим обществом), журнальная и газетная публицистика периода деятельности Первой Думы и «междудумья», мемуары и дневники участников событий — представителей высшей бюрократии (В. И. Гурко, А. П. Извольского, В. Н. Коковцова, С. Е. Крыжановского и др.), членов партии кадетов (М. М. Винавера, И. В. Гессена, П. Н. Милюкова, В. А. Оболенского, А. В. Тырковой и др.), трудовиков (Л. М. Брамсона, И. И. Субботина, Г. К. Ульянова и др.), представителей других партий и движений (В. И. Герье, В. М. Зензинова, М. М. Ковалевского, Д. Н. Шипова и др.).

Для большинства их них случившееся в Выборге было, несомненно, важным событием. Это была их молодость, их надежды, короткий миг веры в то, что судьба вознесла их на невиданную высоту исторической миссии. В Выборге они творили историю. В столице

об этом вспоминали иногда нехотя, иногда с ностальгией. В скором времени им предстояло пережить опыт трехмесячного заключения, не слишком тягостного, а для некоторых в дальнейшем спасительного. Так, князю С. Д. Урусову, бывшему товарищу министра внутренних дел, помощнику не слишком популярного в революционных кругах П. Н. Дурново, удалось побывать политическим заключенным. В советские годы это многого стоило¹.

В любом случае они мыслями возвращались к Выборгскому воззванию. Историк чаще всего не видел в этом нужды. Он проходил и проходит мимо событий первой русской революции, по привычке торопясь на премьеру спектакля, не интересуясь его репетицией.

¹ Хайлова Н. Б. Князь Сергей Дмитриевич Урусов: от «образцового губернатора» до «образца советского работника» // Урусов С. Д. Записки. Три года государственной жизни. М., 2009. С. 23. Сам Урусов вспоминал: «Для меня последствия прикосновенности к воззванию выразились различно. Многие меня осуждали... Но были люди, выразившие мне соболезнования, а иногда и сочувствие... После 1917 года я, благодаря своей судимости, подвергся более слабым гонениям, нежели мои «одноклассники», не имевшие ранее тюремного стажа» (Урусов С. Д. Записки. С. 621).